

Ольга ОСА

Последний мужчина на земле

Ольга ОСА

Последний мужчина на земле

«Автор»

2026

ОСА О.

Последний мужчина на земле / О. ОСА — «Автор», 2026

Надя была уверена: хуже того дня, когда она застала Сашу с блондинкой, в её жизни ничего не будет. Она хлопнула дверью и пообещала не разговаривать с ним, даже если он останется последним мужчиной на Земле. Вселенная услышала. И решила проверить. Ядерная война. Бункер. Мутировавшие крысы. Люди, готовые убить за банку тушёнки. И Саша — живой, невредимый — в разрушенном супермаркете. Вот только разговаривать с ним Надя всё ещё не собирается. Даже если он действительно последний мужчина на Земле.

© ОСА О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	6
Глава 2.	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга ОСА

Последний мужчина на земле

Пролог

Сюрприз.

Сашка написал, что приготовил мне сюрприз. И я, как дура счастливая, понеслась домой — Ленку с Каткой бросила на полуслове ("Надька, ты куда?!" — "Саша сюрприз готовит!" — "У, любовь-морковь!"), в лужу влетела по щиколотку, каблук чуть не сломала, в подъезд влетела — лифт сдох, естественно, когда он вообще работал? — пятый этаж пешком, сердце колотится...

Ключ в замок. Поворот. Толкаю дверь.

Сюрприз.

Мой Сашка обнимает какую-то блондинку. Прижимает к себе. К той самой груди, в которую я носом утыкалась по утрам. На которой засыпала под сериалы.

Стою.

Смотрю.

В голове — пусто. Как будто кто-то взял и выключил звук. Вижу, как Сашка поднимает голову. Как глаза у него становятся большие. Как блондинка оборачивается — красивая, зараза, глазищи голубые, ресницы как у коровы — и смотрит на меня растерянно.

Немая сцена. Прямо как в школьной постановке "Ревизора", только декорации другие.

Сашка первый очнулся. Отодвинул её. Шаг ко мне.

— Надя... Это не то, о чём ты подумала!

И вот тут я почувствовала. Не злость — нет. Что-то холодное. Спокойное. Ледяное такое.

— Знаешь, Саш... — голос чужой, ровный. — Даже если ты останешься последним мужчиной на Земле — я с тобой разговаривать не буду.

Развернулась. Дверью — ХЛОП. С душой хлопнула, от всего сердца. Слышала, как штукатурка посыпалась.

И ушла.

Это был май.

В августе случилась ядерная война.

А в октябре выяснилось, что насчёт "последнего мужчины" я не так уж преувеличила.

Но это я узнала потом. А тогда — тогда я просто шла по улице с мокрыми ногами и думала, что хуже этого дня в моей жизни уже ничего не будет.

Смешно, да?

Глава 1.

Тридцать первое июля.

Раньше я любила лето. Солнце, тепло, платья лёгкие... А теперь у меня есть только одна ассоциация с этой датой. День, когда я не успела.

Новости уже несколько месяцев были тревожные. То тут война, то там конфликт, то кто-то кому-то грозит ядерной кнопкой. Мы привыкли. Люди ко всему привыкают — листаешь ленту, вздыхаешь, ставишь грустный смайлик и идёшь варить кофе. Где-то далеко стреляют, а у тебя кот некормленный и отчёт горит.

Кот.

Мой Гришка. Серый, пушистый, вечно недовольный. Смотрел на меня так, будто я прислуга, которая опаздывает с обедом. Каждый день в шесть вечера он садился у миски и начинал орать — мол, где еда, женщина?!

В тот день я ехала домой и думала, что Гришка меня убьёт. Обед давно прошёл, я задержалась на работе, а он там сидит голодный и точит когти об мой любимый диван из мести.

Моя красная малышка — маленькая, но бодрая — бежала по проспекту, когда завывала сирена.

Сначала я не поняла. Учебная тревога? Опять проверка?

А потом голос из динамиков. Механический, равнодушный:

"Внимание. Воздушная тревога. Немедленно проследуйте в укрытие. Внимание. Воздушная тревога..."

И город встал.

Пробка образовалась за секунды — будто кто-то щёлкнул пальцами. Машины гудели, люди выскакивали, бежали... Куда? Куда угодно. В метро, в подвалы, в любую дыру.

Я бросила машину посреди дороги. Даже ключи не вытащила — какая теперь разница? Побежала к дому. Гришка. Мой Гришка там один, он же не понимает, он ждёт меня, он...

Не добежала.

Толпа подхватила меня как волна — чужие локти, спины, крики — и затащила в какое-то бомбоубежище. Бетонные стены, тусклые лампы, запах сырости и страха.

Я пыталась выбраться. Правда пыталась. Кричала, что мне надо домой, что там кот, пустите, ПУСТИТЕ!

Никто не пустил.

А потом земля вздрогнула. И небо стало оранжевым.

Первую неделю я просто сидела у стены и смотрела в одну точку.

Гришка.

Мой смешной, ворчливый, самый лучший котик на свете. Он ждал меня. Сидел у миски и ждал. А я не пришла.

Кто-то из убежища пытался меня кормить, совал в руки какие-то консервы. Я жевала, не чувствуя вкуса. Какая теперь разница?

Бомбоубежище оказалось небольшим — человек сорок набилось. Сначала все надеялись, что это временно. Что скоро всё закончится, приедут спасатели, нас эвакуируют...

Никто не приехал.

Еда закончилась через два месяца.

Первая вылазка была... страшной. Мир наверху изменился. Серое небо, разрушенные дома, тишина — такая густая, что уши закладывает. И животные. Они изменились. Крысы размером с кошку. Собаки, которые больше не виляли хвостом.

И люди.

Люди оказались хуже мутантов.

За банку тушёнки могли убить. Просто так — подойти сзади и ударить. Забрать еду и уйти. В новом мире не было полиции, законов, правил. Только выживание.

Нас становилось всё меньше.

Кто-то погиб на вылазках. Кто-то ушёл искать родных и не вернулся. Кто-то просто... сдался.

А потом я осталась одна.

Я сижу на продавленном матрасе и смотрю на полку.

Две банки. Фасоль и что-то неопределённое — этикетка стёрлась.

Два дня. Максимум три, если растягивать.

Надо идти наверх.

Я ненавижу вылазки.

В первый раз, когда я полезла одна, на меня напала крыса. Огромная, с облезлой шерстью и красными глазами. Бросилась из-за угла — я даже не успела испугаться, просто махнула кочергой. Попала. Крыса отлетела, завизжала и уползла в темноту.

Я тогда минут десять стояла, привалившись к стене, и тряслась. А потом подобрала кочергу и пошла дальше. Потому что еда сама себя не найдёт.

С тех пор я всегда беру кочергу. И всегда стараюсь набрать побольше — чтобы реже выходить.

Но запасы кончаются везде. Ближайшие магазины давно выпотрошены. Нужно идти дальше. В тот большой супермаркет на Ленина, куда я раньше ездила за продуктами по субботам.

Раньше. Смешное слово.

Раньше я ездила туда на машинке, с Гришкиным кормом в списке покупок.

Теперь я пойду туда с кочергой наперевес, и если повезёт — вернусь живой.

Встаю. Кожанка — единственное, что осталось от прежней жизни. Удобная, тёплая. И в ней я чувствую себя чуть храбрее.

Кочерга в руку.

Вдох.

Выдох.

Пора.

Глава 2.

Супермаркет на Ленина выглядел как декорация к фильму ужасов.

Я помнила его другим. Светлым, шумным, с музыкой из динамиков и тётечками, которые предлагали попробовать сыр на шпажках. Я сюда за кормом Гришке ездила каждую субботу. Он любил только один вид — "Кролик в нежном желе", и попробуй купи другой. Недельку будет смотреть с укором.

Теперь в крыше зияла дыра размером с машину. Солнечные лучи падали косо, высвечивая пылинки в воздухе. Стеллажи стояли криво, некоторые завалились друг на друга, как пьяные. Под ногами хрустело стекло и какие-то обломки.

Но еда была. Я видела банки на полках. Пачки. Что-то в упаковках.

Сердце забилося быстрее. Джекпот.

Я пробиралась между стеллажами, стараясь не шуметь. Кочерга в руке, рюкзак за спиной. Тишина давила на уши — только мои шаги и далёкое поскрипывание чего-то металлического.

И тут я её увидела.

Банка. Тушёнка. Говяжья. Стоит себе на полке, целая, невредимая, этикетка даже не порвана. Последняя в ряду.

Я потянулась к ней.

И чужая рука схватила банку с другой стороны.

Я подняла глаза.

Голубые глаза. Светлые волосы. Щетина. Грязное лицо.

Нет.

Нет, нет, нет.

— ТЫ?! — выдохнули мы одновременно.

Саша.

МОЙ Саша. В смысле — бывший мой. В смысле — тот самый Саша, которого я застала с блондинкой. Тот самый, которому я пообещала не разговаривать, даже если он останется последним мужчиной на Земле.

Вселенная, у тебя что — чувство юмора?!

Он выглядел... живым. Слишком живым. Рваная толстовка, грязь на скулах, но глаза всё те же. И эта дурацкая привычка смотреть чуть исподлобья — тоже.

Я дёрнула банку на себя.

Он дёрнул на себя.

— Отдай, — процедила я.

— Сама отдай, — огрызнулся он. — Я первый увидел!

— Ты?! Первый?! Да я её за три стеллажа заметила!

Мы стояли, вцепившись в несчастную банку тушёнки, и сверлили друг друга взглядами.

В голове пронеслось: три месяца. Три месяца ядерного ада, мутантов, голода, одиночества — и вот он стоит передо мной. Живой. Здоровый. В своей дурацкой толстовке.

— От тебя ничего хорошего и ожидать не стоило! — выплюнула я.

Саша так удивился, что разжал пальцы.

— В смысле?!

Банка осталась у меня в руках. Вместе с инерцией. Я не удержала равновесие и полетела назад, приземлившись на пятую точку посреди битого стекла и рассыпанных макарон.

— Надя! — Саша шагнул ко мне, протянул руку.

Я схватила первое, что попало — пачку спагетти — и запустила в него.

— ПОЧЕМУ?!

Он уклонился. Пачка врезалась в стеллаж и взорвалась макаронным дождём.

— Надя, подожди...

Пачка чипсов. В полёте она раскрылась, и чипсы разлетелись как салют.

— ИМЕННО!

— Да дай ты сказать!

Рулон туалетной бумаги. Размотался в воздухе, как праздничная лента.

— ТЫ!

Саша уворачивался, но шёл ко мне. Шаг за шагом.

— Надя!

Пачка салфеток.

— ВЫЖИЛ! А НЕ НОРМАЛЬНЫЙ МУЖИК?!

Я схватила ещё одну пачку макарон, замахнулась — и он перехватил мою руку.

Крепко. Но не больно.

Мы замерли.

Близко. Слишком близко. Я чувствовала запах — пыль, пот, и где-то под этим что-то знакомое. Его запах. От которого я когда-то засыпала счастливая.

— Ты вообще кого-то слышишь кроме себя?! — процедил он, глядя мне в глаза.

Я открыла рот, чтобы ответить что-нибудь злое, обидное, уничтожающее...

ГРОХОТ.

Где-то в глубине супермаркета обрушился стеллаж. Пол дрогнул под ногами. Посыпалась пыль с потолка.

Мы оба замерли, глядя в темноту между рядами.

Тишина.

А потом — звук. Тихий. Шуршащий. Приближающийся.

— Что это? — одними губами прошептала я.

Саша не ответил. Только сильнее сжал мою руку.

Глава 3

Мы замерли.

Рука Саша всё ещё сжимала мою. Горячая. Живая. Я почти забыла, каково это — когда кто-то рядом.

Грохот стих, но тишина после него была ещё хуже. Густая. Звонящая.

— Что это было? — прошептала я.

— Не знаю. — Саша ответил так же тихо. — Надо уходить.

— Это из-за тебя! — зашипела я, вырывая руку.

— Я?! Ты орала как резаная!

— Я?!

— Тихо!

Мы оба замолчали. Прислушались.

Тишина. Только моё сердце колотилось так громко, что наверняка было слышно на весь супермаркет.

Саша потянул меня за стеллаж. Я дёрнулась было возмутиться, но... ладно. Сейчас не время.

Мы присели за грудой рассыпанных консервов. Плечом к плечу. Тесно. Слишком тесно.

Я чувствовала тепло его тела сквозь одежду. Слышала его дыхание — частое, как моё. Пахло от него пылью, потом и чем-то ещё. Чем-то, что я не могла назвать, но узнала бы из тысячи. Его запах. Наверное как кофе, который он вечно пил литрами, сидя за компом до трёх ночи. Тот самый запах, от которого я когда-то засыпала счастливая, уткнувшись носом в его плечо.

Стоп. Не думать об этом.

Я отодвинулась насколько могла. Сантиметров на пять. Очень убедительно, Надя.

— Надо выбирать, — прошептал Саша. — Тихо. За мной.

— Не командуй!

Он закатил глаза.

— Господи...

Мы начали пробираться между стеллажами. Медленно. Осторожно. Стекло хрустело под ногами предательски громко.

Звук.

Тихий. Шуршащий. Скребущий.

Мы замерли.

Я посмотрела на Сашу. Он кивнул. Показал рукой: туда.

В конце прохода что-то двигалось.

А потом я увидела тень на стене.

Свет из дыры в крыше падал косо, и тень выростала огромной. Уродливой. Она ползла по стене медленно, неотвратно. Гребни на спине — острые, как лезвия. Много. Целый ряд. Хвост извивался, и на нём тоже что-то торчало — шипы? кости?

Тварь была размером с собаку. Или больше. Тень искажала, и от этого было ещё страшнее.

Я вспомнила крыс. Тех, мутировавших, с красными глазами. Но это было крупнее. Намного крупнее.

Желудок сжался в ледяной комок. Ноги стали ватными.

— Твою мать... — выдохнул Саша.

Он схватил какую-то трубу с пола. Встал передо мной. Защитная поза. Как будто эта ржавая железка спасёт от твари с такими шипами.

Тень всё ближе.

Ближе.

Звук когтей по кафелю.

Саша с воплем кинулся вперёд:

— А-а-а-а!

— Стой!!! — я схватила его за толстовку.

Он замер. Посмотрел.

В проходе сидел котик.

Пушистый. Трёхцветный. С костяным гребнем на голове и таким же хвостом. Огромные голубые глаза смотрели на нас с ужасом. Он дрожал.

— Это... кот? — Саша опустил трубу.

Я оттолкнула его и пошла к котику. Села на корточки.

— Эй, маленький... — голос сам стал мягким. — Не бойся. Злой дядя тебя напугал, да?

Котик мяукнул. Тоненько, жалобно.

Сердце сжалось. Гришка так же мяукал, когда хотел на ручки.

— Надя! — Саша за спиной. — Оно может быть опасно! Заразно!

— Сам ты заразный, — бросила я, не оборачиваясь.

Взяла котика на руки. Он прижался ко мне, дрожащий, тёплый. Замурчал.

Я встала. Посмотрела на Сашу холодно.

— Иди куда шёл.

— Надя...

— Иди.

Он смотрел на меня. Что-то мелькнуло в его глазах — обида? злость? — я не стала разбираться.

— Ну и дура! — бросил он. Развернулся. Ушёл.

Я смотрела ему вслед. Котик мурчал на руках.

В груди что-то сжималось. Не из-за него. Точно не из-за него.

— Пошли, маленький, — прошептала я котику. — Возьмём консервы и домой. Никому тебя в обиду не дам.

Я пошла к полкам. Набрала банок сколько влезло в рюкзак. Котик сидел рядом, смотрел своими огромными глазами.

Уже у выхода я оглянулась туда, куда ушёл Саша.

Пусто.

Ну и пусть.

Глава 4

Саша.

— Ну и дура! — бросил я и пошёл прочь.

Шаги гулко отдавались в пустом супермаркете. Стекло хрустело под ногами. Я не оборачивался. Не хотел видеть, как она стоит там со своим уродливым котом и смотрит мне вслед. Или не смотрит. Что ещё хуже.

Три месяца. Три чёртовых месяца после войны я думал о ней каждый день. Жива ли? Где она? Успела ли добраться до убежища? А когда увидел её сегодня между этими ржавыми стеллажами — сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Слава Богу. Она выжила. Это была первая мысль. Не "какого чёрта она тут делает" и не "вот же совпадение". Нет. Просто — слава Богу, она жива.

А потом она посмотрела на меня. И в её глазах была такая ненависть, что я понял — ничего не изменилось. Для неё я всё ещё предатель. Всё ещё тот, кого она застала с Машей.

Я вышел из супермаркета. Солнце било в глаза — яркое, равнодушное. Как будто ему плевать, что мир закончился. Город лежал в руинах. Скелеты высоток царапали небо обугленными рёбрами. Провалившиеся крыши зияли чёрными дырами. Машины стояли там, где их бросили — занесённые пылью и пеплом, с выбитыми стёклами, с распахнутыми дверями. Кое-где ещё торчали деревья — мёртвые, скрюченные, чёрные. Как обугленные руки, тянущиеся к небу.

Красота, блин.

Раньше тут была кофейня. Я брал там латте по утрам, перед работой. Теперь — груда кирпича и торчащая из-под обломков вывеска "Кофе..." — остальные буквы не пережили взрыва.

Я пошёл по улице. Потом остановился.

А куда я иду, собственно?

Обратно в свою нору? В подвал бывшего офисного здания, где я ночую на продавленном диване и считаю банки с тушёнкой? Где по ночам слышно, как наверху шуршат крысы — обычные или мутировавшие, я предпочитаю не проверять?..

Ноги сами понесли меня обратно. К супермаркету. Я встал за углом, за ржавым остовом автобуса, и стал ждать.

Идиот.

Она вышла минут через десять. Рюкзак за спиной, кошак на руках. Шла быстро, уверенно — знала куда. Перепрыгивала через обломки, обходила подозрительные тени. Выживальщица. Моя Надька — выживальщица.

Не моя. Уже не моя.

Я пошёл следом. На расстоянии. Прячась за остовами машин, за грудами битого кирпича. Как сталкер какой-то. Как маньяк.

Но я должен был знать, где она живёт. Должен был убедиться, что она в безопасности.

Только поэтому. Не из-за чего-то другого.

Надя свернула в переулочек, заваленный мусором и обломками. Потом ещё раз — в узкий проход между двумя полуразрушенными домами. Остановилась у неприметной железной двери — вход в бункер. Оглянулась — я успел нырнуть за перевернутый мусорный бак.

Она открыла дверь и исчезла внутри.

Я стоял и смотрел на эту дверь. Ржавую. Облупившуюся. Краска слезла, петли скрипели. За ней была Надя.

Рука сама потянулась к груди. Под толстовкой, на цепочке, висело кольцо. Тонкий золотой ободок с маленьким камушком. Я носил его с того самого дня. Даже когда мир рушился, даже когда приходилось убегать от тварей, даже когда нечего было есть и негде спать.

Не снял.

Тот день... Я до сих пор помню его так, будто это было вчера. Каждую деталь. Каждое слово.

Маша появилась на пороге вся в слезах. Я сначала даже не понял, кто это — она никогда не приходила одна, всегда с Димкой. А тут стоит, трясётся, тушь размазана по щекам, губы дрожат.

— Саша... — голос срывается. — Он мне не сказал. Он мне ничего не сказал!

— Маши, что случилось? Заходи...

Она зашла. Я закрыл дверь. И тут её прорвало — она разрыдалась так, что я испугался. Настоящая истерика, со всхлипами, с трясущимися плечами.

— Дима! У него... у него опухоль нашли! В голове! А он молчал! Три месяца молчал!

У меня земля ушла из-под ног. Димка. Мой дружка. Мы с ним с первого класса. Вместе в футбол гоняли во дворе, вместе первый раз напились на выпускном, вместе на программистов поступали, вместе первую работу искали.

— Что? — голос охрип. — Какая опухоль?

— Я случайно увидела выписку! Он прятал, а я нашла... Саша, что мне делать? Что?!

Я обнял её. Просто обнял. Потому что она рыдала, потому что у меня у самого руки тряслись и в голове было пусто, потому что — Димон, чёрт возьми, как же так? Почему ты не сказал? Почему мне не сказал?

И в этот момент открылась дверь.

Надя стояла на пороге. С пакетом из магазина в руке. Ключи ещё в замке. Смотрела на нас — на меня и на Машу в моих объятиях.

Немая сцена.

Я отпустил Машу. Шагнул к Наде.

— Надя... Это не то, о чём ты подумала!

Самая тупая фраза в истории человечества. Я это понял в ту же секунду, как произнёс. Но что ещё я мог сказать?

Надя смотрела на меня. Глаза сухие. Лицо — как маска. И голос, когда она заговорила, был чужой. Ледяной. Спокойный.

— Знаешь, Саш... Даже если ты останешься последним мужчиной на Земле — я с тобой разговаривать не буду.

Развернулась. Дверью — ХЛОП. Так хлопнула, что штукатурка посыпалась с потолка.

Я рванул за ней. Выскочил на лестницу.

— Надя! Подожди! Дай объяснить!

Она не обернулась. Даже не замедлилась. Просто шла вниз по ступенькам — быстро, ровно, как робот.

— Это Маша! Девушка Димки! У него опухоль нашли, она пришла...

Хлопнула дверь подъезда.

Я стоял на лестнице как идиот. А в кармане лежало кольцо. Я хотел сделать предложение в тот вечер. Столик в её любимом ресторане — забронирован. Свечи — куплены. Речь — отрепетирована перед зеркалом, как дурак, пять раз.

"Надя, мы вместе уже два года, и я понял, что не хочу просыпаться ни с кем другим. Выходи за меня?"

Я так и не произнёс эти слова.

Потом я пытался до неё достучаться. Звонил — сбрасывала. Писал — без ответа. Приходил к ней домой — не открывала. Потом она заблокировала мой номер.

А тридцать первого июля начались бомбёжки. И стало не до объяснений.

Я стоял у её бункера и думал — какой смысл? Она меня ненавидит. Не поверила тогда, не поверит и сейчас. Три месяца после ядерного удара прошло, а она смотрит на меня так же. С той же ледяной злостью.

Надо просто уйти. Забыть. Жить дальше.

Пальцы сжали кольцо сквозь ткань толстовки.

Три месяца я думал, что она погибла. Представлял самое страшное. Просыпался ночью в холодном поту. А она жива. Жива, здорова и по-прежнему ненавидит меня.

Но жива.

Я подошёл к двери. Постоял ещё секунду. Потом постучал.

Тишина.

Потом — шаги. Её шаги, я бы узнал их из тысячи.

— Кто там? — голос настороженный, глухой через железо.

— Это я.

Пауза. Долгая.

Дверь открылась.

Надя смотрела на меня снизу вверх. Удивлённо. Растерянно.

— Как ты меня нашёл?

Я протянул ей банку консервов. Ту самую, из-за которой мы дрались в супермаркете.

— Вот. Ты забыла.

Она посмотрела на банку. Потом на меня. Брови поползли вверх.

— С-спасибо... — голос неуверенный, тихий.

Пауза. Неловкая, тяжёлая.

— Зайдёшь? — спросила она наконец.

Я кивнул. Зашёл.

Бункер оказался маленьким. Бетонные стены, низкий потолок. Полки вдоль стен — почти пустые. Пара банок, пакет крупы, бутылка воды. Теперь понятно, зачем она полезла в супермаркет, рискуя нарваться на мутантов. Маленький стол, один стул. Тусклая лампочка под потолком. Холодильник в углу гудел натужно, как старик с астмой. Труба под потолком подтекала — капало в подставленное ведро. В открытую дверь виднелась вторая комната — краешек кровати, тумбочка.

— А у тебя... уютно, — сказал я.

— Спасибо, — она скривилась. — Сама дизайн делала.

Котик сидел у миски с едой. Увидел меня — и мгновенно преобразился. Шерсть дыбом, гребни на спине растопырились, глаза сузились. Зашипел так, что я отшатнулся.

— Ого!

Надя бросилась к нему, подхватила на руки.

— Тише, малыш, тише... — голос сразу стал мягким, нежным. — Он хороший.

Я поднял брови. Она это сейчас серьёзно? В мой адрес?

Котик успокоился, но косился на меня недобро. Явно не доверял.

— Ну и как ты своего защитника назвала? — спросил я, стараясь говорить нормально. Как будто мы просто болтаем. Как будто между нами ничего не было.

— Да вот как раз выбирала... — она посмотрела на кота.

Я тоже посмотрел. Гребни костяные, хвост с шипами, глаза странные — со стальным отливом. Тварюшка ещё та.

— Дитя апокалипсиса... — хмыкнул я. — Может, Апокалипсис и назвать?

Кот зарычал. Прямо на меня. Низко, угрожающе.

Я поднял руки.

— Ладно-ладно, понял! Молчу!

— Может... Мурзик? — сказала Надя задумчиво.

Кот мгновенно перестал рычать. Замурлыкал. Потёрся об неё головой.

— Смотри-ка, — я не удержался от улыбки. — Ему нравится!

— Мурзик... — Надя улыбнулась коту. Мягко, нежно. Так она раньше мне улыбалась.

— Серьёзно? — я помотал головой. — У него гребни как у дракона, глаза металлические — и Мурзик?!

— Ему нравится! — отрезала она.

Мурзик замурлыкал громче. Победно так. Нагло.

И тут бабахнуло.

Грохот — оглушительный, как будто рядом взорвалась бомба. Бункер трянуло. Я едва устоял на ногах. Лампочка мигнула, погасла, вспыхнула снова. С потолка посыпалась бетонная крошка.

Мурзик взвизгнул, вырвался из рук Нади и сиганул в соседнюю комнату. Мелькнул пушистый хвост с гребнем — и исчез под кроватью.

Надя потеряла равновесие.

Я рванул к ней — поймать, удержать — но сам не устоял.

Мы упали вместе.

Я — на спину, больно приложившись о бетонный пол. Она — на меня.

Лампочка мигала. Пыль висела в воздухе. Где-то капала вода — громко, гулко, как метроном.

Надя лежала на мне. Её лицо — в сантиметрах от моего. Глаза — огромные, испуганные — смотрели прямо на меня.

Я чувствовал её тепло. Её вес. Её дыхание на своих губах.

Время остановилось.

Она не двигалась. Я не двигался.

Просто смотрели друг на друга.

И в этот момент — впервые за пять месяцев — в её глазах не было ненависти.

Глава 5

Надя.

А ведь так хорошо всё начиналось...

Я, мой новый котик и целый рюкзак консервов. Счастье постапокалипсиса, если вдуматься. Покормила пушистого, начала выбирать имя — и тут стук в дверь.

Саша.

С банкой консервов, которую я якобы "забыла". Ага, конечно. Выследил меня, как маньяк, но банку принёс. Джентльмен апокалипсиса, блин.

Я его впустила. Сама не знаю зачем. Наверное, потому что уже месяц точно ни одной живой души не видела, кроме тех, кто пытался меня убить или ограбить. Даже его рожа показалась почти родной. Почти.

Котик его возненавидел сразу. Шипел, рычал, гребни топоршил. Умный котик. Разбирается в людях лучше меня.

Назвали его Мурзиком. Точнее, я назвала. Саша предлагал "Апокалипсис" — котик зарычал. Правильно, малыш. Не слушай дядю, дядя плохого насовещует.

А потом бабахнуло.

Тряхнуло так, что я не устояла на ногах. Мурзик с воплем сиганул под кровать. А я... я упала.

На Сашу.

Он пытался меня поймать, но сам не удержался. И вот мы лежим на бетонном полу моего уютного бункера. Я сверху. Он снизу. Лампочка мигает. Пыль в воздухе. И его лицо — в сантиметрах от моего.

Глаза. Его глаза смотрят прямо на меня. И в них есть что-то... Что-то, от чего сердце пропустило удар.

Стоп.

Стоп-стоп-стоп.

Это Саша. Предатель. Изменщик. Тот, кого я застала с блондинкой. Та самая блондинка с коровьими ресницами и голубыми глазищами.

Я дёрнулась, пытаюсь встать. Колено куда-то попало.

— Ой! — выдохнул он сдавленно.

— Извини, — буркнула я. Хотя нет. Ни капли не жаль.

Встала, отряхнулась. Сделала вид, что ничего не произошло. Вообще ничего. Никакого "момента". Никаких глаз. Просто упали и встали. Бывает.

— Ну чего разлёгся? — бросила я, не глядя на него. — Пошли посмотреть, что там бабахнуло!

Саша поднялся, потирая... ну, то место, куда пришлось моё колено. Сам виноват. Нечего было подо мной оказываться.

— У тебя оружие есть? — спросил он. — Мало ли что нас ждёт наверху...

— Может тебе ещё и противогаз дать? И тапочки тёплые?

Он промолчал. Только посмотрел. Терпеливо так. Как на психованную.

Ладно. Он прав. На поверхности сейчас может быть что угодно.

— Вон, — я кивнула в угол. — Кочергу возьми.

Саша взял, повертел в руках, разглядывая.

— Вот это раритет! Антиквариат прямо.

— Именно! Она меня не раз от крыс спасала. Так что верни потом на место. В целости.

Мы поднялись наверх.

Сумерки. Небо серое, затянутое пылью, как всегда. Воздух пах гарью — где-то недалеко что-то горело. Или взорвалось. Тишина давила на уши.

Саша шёл первым. Кочерга наготове, держит двумя руками. Серьёзный такой. Защитник, блин.

Я шла сзади. И — да, молчала. Непривычно для меня, но что-то в этой тишине было неправильное. Не хотелось её нарушать. Не хотелось привлекать внимание.

Мы завернули за угол полуразрушенного дома.

И тут я услышала.

Писк. Мерзкий, многоголосый. И шуршание — много-много лапок по асфальту. Звук, от которого у меня мурашки по спине.

— КРЫСЫ!!! — в ужасе прошептали мы одновременно.

В конце улицы, в сумерках, двигалась тёмная масса. Бугристая, шевелящаяся. Десятки красных глаз блестели в полумраке. Крысы-мутанты. Много. Слишком много.

— Бежим, пока не учуяли! — Саша схватил меня за руку.

Мы развернулись, и тут...

— Стой! — я вцепилась в его рукав. — Слышишь?

— Что?!

— Тихо! Вот, снова!

Крик. Женский. Слабый, отчаянный. Откуда-то из-за домов.

— Помогите!!!

У меня сжалось сердце.

— Её крысы убивают! — выдохнула я. — Саша, надо помочь!

— Согласен, — он огляделся, соображая. — Дай подумать...

Его взгляд остановился на ржавой трубе, торчащей из стены ближайшего дома.

— Надя! Кричи в трубу — громко! Что угодно! А я буду бить кочергой по металлу. Звук их отпугнёт. Только уши прикрой!

— Ты серьёзно?!

— Давай, быстро!!!

Я прижала рот к трубе и заорала. Что было сил. Голос загудел, усилился, отразился от стен. Саша обрушил кочергу на трубу — раз, другой, третий.

Грохот. Лязг. Мой вопль. Всё слилось в один адский звук, от которого заложило уши даже мне.

Крысы заверещали — испуганно, зло — и бросились врассыпную. Тёмная масса распалась на сотни маленьких теней, хлынувших в подворотни и щели в стенах.

— Работает! — Саша ухмыльнулся.

Мы побежали туда, откуда доносился крик.

За углом, на земле, скрючилась фигура. Неподвижная. Одежда изодрана, тёмные пятна на асфальте вокруг.

— Аккуратнее! — я схватила Сашу за руку, когда он потянулся к телу. — У неё может быть что-то сломано!

Он кивнул. Присел на корточки. Осторожно, бережно перевернул тело.

Лицо.

Окровавленное. Бледное. Знакомое.

Слишком знакомое.

Ресницы как у коровы. Светлые волосы, слипшиеся от крови.

— Маша?! — выдохнул Саша.

— Опять она?! — вырвалось у меня.

Мы уставились друг на друга.

Потом снова на неё.Блондинка. Та самая блондинка из беззаботного мая. Лежала перед нами — изодранная крысами, окровавленная, едва живая.

И почему-то я совсем не чувствовала удовлетворения.

Глава 6

Мы притащили её в мой бункер.

Вернее, Саша притащил. Нёс на руках — бережно, аккуратно, как что-то хрупкое и ценное. Её голова откинулась назад, светлые волосы свисали почти до земли, перепачканные кровью и грязью. Глаза закрыты. Лицо бледное, как бумага.

А я шла рядом и смотрела на это.

На него. На неё. На его руки, которые держали её так нежно.

В голове было пусто и звонко. Как в тот майский день, когда я стояла на пороге нашей квартиры и смотрела, как он обнимает её. Только теперь декорации другие — вместо уютной прихожей руины города, вместо пакета из магазина кочерга, вместо нормальной жизни этот чёртов апокалипсис.

А картинка та же. Саша и блондинка. Саша заботится о блондинке. Саша несёт блондинку на руках.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Мы спустились в бункер. Я открыла дверь, пропустила их вперёд. Саша огляделся, увидел ряд кроватей вдоль стены — пустых, с голыми матрасами, оставшихся от тех, кто здесь когда-то жил. Только моя была застелена — в углу, с подушкой и одеялом.

— Сюда? — он кивнул на мою кровать.

А куда ещё? Не на голый же матрас её класть.

— Да. Клади.

Саша осторожно положил Машу на мою кровать.

На мою кровать, между прочим! Единственную нормально застеленную кровать в этом бункере! Мою!

— Нужно осмотреть раны, — сказал Саша, не оборачиваясь. — У тебя есть аптечка? Антисептик? Бинты? Хоть что-нибудь?

Я стояла в дверях и смотрела на эту картину. Он склонился над ней. Убирает волосы с её лица. Проверяет пульс на шее. Его пальцы касаются её кожи — осторожно, почти нежно.

Пять месяцев назад он точно так же касался меня.

— Надя? — Саша наконец обернулся. — Аптечка?

— А? Да. Сейчас.

Я прошла к полке. Руки слегка дрожали. От злости. Только от злости, ничего больше.

Аптечка у меня была. Не то чтобы богатая — пластырь, бинт, какой-то антисептик в пузырьке с полустёртой этикеткой, упаковка парацетамола. Всё это я нашла ещё в первые недели, на одной из вылазок. Берегла на крайний случай.

И вот он — крайний случай. Только почему-то не мой.

Я поставила аптечку на стол. Саша тут же схватил её, начал рыться внутри.

— Антисептик есть, хорошо... Бинт... Так, а антибиотики?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем. Откуда? В аптеках всё вынесли ещё в первый месяц.

Саша нахмурился. Посмотрел на Машу. Она лежала неподвижно, только грудь слегка вздымалась — жива. Пока жива.

— У меня есть, — сказал он. — В моём убежище. Я на первой же вылазке именно в аптеку пошёл. Набрал всего — антибиотики, обезболивающие, жаропонижающие...

— Какой предусмотрительный, — процедила я.

Саша посмотрел на меня. Долго, молча. В его глазах что-то мелькнуло — боль? обида? усталость? — но он ничего не сказал.

Правильно. Нечего тут объяснять. Я не хотела слушать тогда, зачем сейчас берeditь?

— Мне нужно сходить за лекарствами, — сказал он наконец. — Но оставлять её одну...

— Она не одна. Я тут.

— Надя...

— Иди. Я присмотрю за твоей... — я запнулась, — ...за ней.

Саша открыл рот, будто хотел что-то сказать. Потом закрыл. Кивнул.

— Я быстро. Час, максимум полтора. Обработай раны, пока меня нет. И если она очнётся — дай воды. Немного, маленькими глотками.

— Я не идиотка.

— Я знаю.

Он встал. Постоял секунду, глядя на меня. Потом — на Машу. Потом снова на меня.

— Спасибо, — сказал тихо. — Что согласилась помочь.

— А у меня был выбор? Бросить её там, на съедение крысам?

— У тебя всегда есть выбор, Надя.

Он ушёл. Дверь бункера закрылась с глухим лязгом.

Я осталась одна. С ней.

Несколько секунд я просто стояла и смотрела на Машу. Блондинка на моей кровати. Та самая блондинка. Разлучница. Из-за которой всё рухнуло.

А ведь логично, что её притащили именно сюда. Мой бункер был ближе всего. И оставлять её на улице, истекающую кровью — это не вариант. Я же не монстр какой-то.

Но почему именно ко мне?!

Вселенная, ты издеваешься? Мало тебе было столкнуть меня с Сашей в супермаркете? Мало было уронить меня на него? Теперь ещё и это?

Я подошла к кровати. Маша лежала, как кукла — бледная, неподвижная, только ресницы слегка подрагивали. Те самые ресницы. Как у коровы. Длинные, загнутые, наверняка раньше идеально накрашенные.

Теперь они слиплись от крови и грязи. И выглядела она не как роковая красотка, а как... как жертва. Просто жертва этого проклятого мира.

Ладно. Раны сами себя не обработают.

Я достала антисептик и бинт. Руки всё ещё подрагивали, но уже меньше. Работа — это хорошо. Работа отвлекает от мыслей.

Одежда на Маше была изодрана в клочья. Куртка, кофта под ней — всё в дырах и кровавых пятнах. Крысы постарались на славу.

Я осторожно задрала край кофты, чтобы осмотреть раны на боку.

Укусы. Много укусов. Глубокие, рваные, с неровными краями. Кровь уже почти остановилась — запеклась тёмной коркой — но выглядело это всё равно жутко.

Ей повезло. По-настоящему повезло. Ничего не сломано, артерии не задеты. Ещё бы чуть-чуть — и крысы добрались бы до горла.

Я смочила бинт антисептиком и начала обрабатывать раны.

Маша застонала. Тихо, едва слышно. Дёрнулась, но не проснулась.

Ну и ладно. Так даже проще.

Я работала молча. Протирала, промывала, накладывала повязки. Антисептика было мало — приходилось экономить. На самые глубокие раны, на те, что могут загноиться.

А в голове всё крутились мысли. Как назойливые мухи — гонишь их, а они возвращаются.

Это она. Та самая. Которую он обнимал.

Я помню всё. Как открыла дверь своим ключом — он же сказал, что приготовил сюрприз. Как стояла на пороге. Как смотрела на них. Как в груди что-то оборвалось — резко, больно, навсегда.

Два года. Два года я засыпала на его плече. Два года просыпалась рядом с ним. Планировала будущее, мечтала о чём-то... И всё это — псу под хвост. Из-за неё.

А теперь она лежит на моей кровати. А я обрабатываю ей раны. А Саша побежал за лекарствами — для неё.

Смешно, да?

Я закончила с боком и перешла к рукам. На запястьях тоже были укусы — Маша, видимо, пыталась отбиваться. Тонкие руки, бледная кожа, сбитые костяшки пальцев.

Интересно, она хоть кому-нибудь попала?

Интересно, больно ей было?

Интересно, почему мне вообще интересно?

Я закончила с руками и отошла. Села на стул — единственный стул в бункере — и уставилась в стену.

Тишина. Только капает вода из трубы под потолком. Кап. Кап. Кап. Как метроном. Как обратный отсчёт.

Где там Мурзик? Он же спрятался, когда мы вернулись. Наверное, испугался — столько шума, незнакомый запах, кровь...

— Мурзик? — позвала я тихо. — Кис-кис-кис...

Из-под тумбочки показалась мордочка. Осторожная, настороженная. Гребень на голове прижат, глаза со стальным отливом смотрят недоверчиво.

— Иди сюда, малыш. Не бойся. Злая тётя тебя не обидит. Она вообще в отключке.

Мурзик выполз из укрытия. Медленно, по-пластунски почти, прижимаясь к полу. Подошёл ко мне, обнюхал ноги. Потом вспрыгнул на колени и свернулся клубком.

Тёплый. Мурчащий. Живой.

Я погладила его по спине, осторожно обходя костяной гребень.

— Ну и денёк, да, Мурзик? Сначала взрыв. Потом крысы. Потом она.

Мурзик муркнул. Сочувственно так. Понимающе.

— Знаешь, я думала — хуже уже не будет. Ядерная война случилась, мир рухнул, я три месяца живу в этой бетонной коробке и питаюсь консервами. Куда уж хуже, да?

Мурзик потёрся головой о мою руку.

— А оказывается — есть куда. Оказывается, вселенная может подкинуть тебе бывшего, которого ты ненавидишь. А потом — его любовницу, которую ты ненавидишь ещё больше. И ты должна её спасать. Потому что ты же не монстр. Ты хороший человек, Надя. Добрый. Сострадательный.

Я хмыкнула.

— Или идиотка. Одно из двух.

Мурзик мяукнул. Кажется, он был согласен со вторым вариантом.

Я откинулась на спинку стула и прикрыла глаза.

Устала. Господи, как же я устала. Не от беготни — от всего этого. От жизни в постоянном страхе. От одиночества. От того, что каждый день нужно выживать, а не жить.

И от мыслей. От этих бесконечных мыслей, которые крутятся в голове и не дают покоя.

С кровати донёсся слабый стон.

— Дима...

Я открыла глаза.

Маша шевелилась. Голова металась по подушке, губы двигались.

— Дима... Дима, нет...

Бред. У неё начался бред.

Я осторожно ссадила Мурзика с колен и подошла к кровати.

Маша выглядела ещё хуже, чем раньше. Лицо побелело ещё больше, на лбу выступила испарина. Глаза закрыты, но веки дрожат. Руки комкают простыню.

— Дима... пожалуйста... не умирай...

Дима? Кто такой Дима?

— Я знала... я всё знала... — Маша всхлипнула во сне. — Три месяца... ты молчал три месяца... почему ты мне не сказал?..

Я нахмурилась. О чём она?

— Опухоль... нет... Дима, нет... — её голос сорвался на рыдание. — Я нашла выписку... ты прятал... а я нашла...

Опухоль? Выписка?

— Почему ты ушёл... Димочка, почему ты ушёл... я не успела попрощаться...

Маша затихла на секунду. А потом — тихо, надломленно:

— Тридцать первое июля... ты умер тридцать первого июля... за несколько часов до взрыва... Ты даже не узнал... не узнал, что мир закончился...

У меня перехватило дыхание.

Тридцать первое июля. Тот самый день. День, когда началась война. День, когда я потеряла Гришку.

А она — потеряла своего Диму.

— Может, тебе повезло... — прошептала Маша в бреду. — Может, так лучше... не видеть всего этого... не знать...

Я стояла над кроватью и не могла пошевелиться.

Тридцать первое июля. Я помню каждую секунду того дня. Сирена. Паника. Толпа, которая затащила меня в бомбоубежище. И Гришка — мой Гришка — который остался дома. Один. Голодный. Ждал меня у миски.

А где-то в городе умирал человек по имени Дима. От опухоли в голове. За несколько часов до того, как весь мир полетел к чертям.

И эта блондинка... эта Маша... она его любила. По-настоящему любила. Это слышно в её голосе — даже сейчас, в бреду, в горячке.

— Дима... Димочка... я люблю тебя... слышишь?..

Маша снова заметалась. Застонала. Потом вдруг затихла. И прошептала — так тихо, что я едва расслышала:

— Ничего, Дима... Мы скоро встретимся... Я тебя люблю...

У меня похолодело внутри.

Она собралась умирать. Эта дура собралась умирать.

— Эй! — я схватила её за плечо. — Эй, ты! Даже не думай!

Маша не реагировала. Дыхание стало ещё тяжелее, хриплее.

— Мурзик! — я обернулась к коту. — Мурзик, где этот чёртов Саша с антибиотиками?!

Кот посмотрел на меня своими стальными глазами. Мудро так посмотрел. Будто хотел сказать: "Ты же не дашь ей умереть, правда?"

Я посмотрела на Машу. На её бледное лицо, на запёкшуюся кровь, на слёзы, которые текли из-под закрытых век.

Кто ты такая, Маша? Кто такой Дима? И что на самом деле произошло в тот майский день?

С кровати снова донёсся шёпот:

— Дима... Дима, я иду к тебе...

— Нет уж, — процедила я сквозь зубы. — Никуда ты не идёшь. Не раньше, чем всё мне расскажешь.

Глава 7

Дверь бункера лязгнула.

Я вскочила со стула так резко, что Мурзик, дремавший у меня на коленях, возмущённо мяукнул и прыгнул на пол.

Саша. Вернулся.

Он протиснулся в дверь, и я открыла рот, чтобы спросить про антибиотики — но слова застряли в горле.

Потому что в руках у Саши была не просто аптечка.

За спиной у него висел рюкзак. Огромный. Туристический. Набитый так, что из него торчал край одеяла и ручка какой-то кастрюли.

— Это что? — медленно произнесла я.

Саша аккуратно опустил рюкзак на пол. Потом снял с плеча сумку с красным крестом — аптечка, надо полагать. Поставил рядом.

— Антибиотики принёс, — сказал он, избегая моего взгляда. — И обезболивающее. И жаропонижающее. И ещё кое-что по мелочи...

— Саша.

— М?

— Это. Что. Такое.

Я ткнула пальцем в рюкзак. В этот монструозный рюкзак, который явно содержал не "кое-что по мелочи", а всё имущество одного конкретного человека.

Саша почесал затылок. Посмотрел на потолок. Потом на Машу, которая лежала на кровати. Потом снова на потолок.

— Ну... я тут подумал...

— О нет.

— За Машей нужен уход...

— О нет, нет, нет.

— Не на тебя же её вешать, правильно? Ты и так помогаешь, раны обработала...

— Саша.

— И вообще, мужик в хозяйстве пригодится. Тут дверь скрипит, труба подтекает, я заметил...

— САША.

Он наконец посмотрел на меня. Виновато так. Как щенок, который нагадил на ковёр и теперь надеется, что его не заметят.

— Ты что, — я чувствовала, как голос начинает звенеть, — решил сюда ПЕРЕЕХАТЬ?!

— Ну не то чтобы переехать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.